

Авакимян Софья Сергеевна

**ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ
НА ВОСПРИЯТИЕ ПРАГМАТИКИ ИЗВИНЕНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре лингвистики и перевода Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижевартовский государственный гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Нефёдова Лилия Амиряновна
ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Харченко Елена Владимировна
ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

кандидат филологических наук, доцент
Дубровская Ольга Георгиевна
ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Защита состоится 22 декабря 2011 года в 9:00 часов на заседании диссертационного совета К 212.274.05 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, д. 9, корп. 1, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Информационно-библиотечного центра Тюменского государственного университета (625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 18).

Автореферат разослан 18 ноября 2011 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т.В. Сотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация представляет собой лингвопрагматическое исследование, посвященное изучению речевого акта извинения, который оценивается слушающим / наблюдателем с точки зрения аксиологически значимых параметров – искренности и вежливости.

Объектом исследования являются эксплицитные формы извинения и их прагматические характеристики.

В качестве **предмета** анализа выступают контекстуальные факторы, детерминирующие восприятие речевого акта извинения как искреннего / неискреннего и вежливого / невежливого.

Актуальность работы обусловлена повышенным интересом современной лингвистики к человеческой природе языка [Арутюнова 1998; Гак 1998; Золотова 2001; Демьянков 2006; Карасик 2002; Колшанский 2005; Штелинг 1996] и определяется тем, что в ней делается акцент на перцепции речевого действия слушающим / наблюдателем; до недавнего времени в исследованиях по лингвистической прагматике в центре внимания находился в основном говорящий, продуцирующий высказывание, однако по мере углубления в сущность общения акцент переместился в сторону слушающего, то есть в сторону восприятия, которое признается исходным моментом в когнитивной деятельности человека [Блох 2008; Бондарко 2004; Вежбицкая 1986; Верхотурова 2006; Ильин 2001; Кравченко 2004; Кустова 1999; Плотникова 2006].

В обоих случаях, как при продуцировании, так и при восприятии речи, важную роль играет контекст, проявляющийся в процессе коммуникации через лингвистическую форму и экстралингвистические явления, которые сигнализируют о характеристиках говорящего и его культурных пресуппозициях. Контекст прямо и непосредственно воздействует на процесс восприятия и предоставляет слушающему опереться на вербальное и невербальное окружение языкового элемента в пределах его непосредственных и опосредованных связей, необходимых для распознавания коммуникативного намерения собеседника. В связи с этим феномен контекста составляет одну из важнейших областей языковедческих исследований.

Выбор речевого акта извинения в качестве объекта анализа также представляется весьма актуальным, поскольку его изучение может способствовать углублению знаний о функционировании языка в социальном измерении. Несмотря на то, что ученые не раз обращались к рассмотрению данного речевого акта, многие вопросы остаются дискуссионными. Так, в работах отсутствует единство взглядов на статус извинения в системе речевых актов, способы его выражения, прагматические характеристики с точки зрения успешности. Более того, восприятие и интерпретация извинения относительно таких его свойств, как искренность и вежливость, не подвергались лингвистическому анализу. Вместе с тем, оба качества играют существенную роль в организации речевого взаимодействия. Таким образом, их рассмотрение,

предлагаемое в настоящей работе, позволит глубже осмыслить механизмы и принципы общения.

Актуальность проведенного исследования видится, кроме того, в необходимости дальнейшего изучения речевого акта извинения в межкультурном аспекте, в частности, особенностей его восприятия носителями и неносителями английского языка. Некоторые исследователи [Боркин, Рейнхарт 1978; Ольштейн 1989; Бергман, Каспер 1993; Ратмайр 2003], сравнивая продуцирование извинений в разных лингвокультурах, полагают, что стратегии извинения варьируются в контекстуальном и кросс-культурном планах, и выбор правильной стратегии может вызывать затруднения, однако не только продуцирование извинений, но и их перцепция оказываются проблематичными для неносителей языка, что становится особенно значимым при переводе с одного языка на другой, когда возникает потребность более глубокого постижения и передачи смысла иноязычного текста. Как показывает анализ литературы по исследуемому вопросу, проблему перевода извинений с английского языка на русский нельзя считать изученной.

Таким образом, актуальность данной работы определяется теоретическими и практическими задачами современной антропоцентрической лингвистики, которая проявляет повышенный интерес к языку в рамках социума, а также к контексту, детерминирующему выбор лингвистических единиц и актуализирующему их функции.

Настоящее исследование имеет **целью** изучить роль контекста в восприятии и оценивании извинения с точки зрения искренности и вежливости, которые считаются условиями успешности речевых актов и межличностного общения в целом.

Мы исходим из **гипотезы**, согласно которой, несмотря на то, что искренность и вежливость представляют универсальные этические нормы и считаются ценностными характеристиками общения, их значимость является национально маркированной, то есть их конкретная реализация закреплена в специфичных для каждой культуры правилах поведения, а восприятие и распознавание в значительной степени зависит от контекста. Представители разных лингвокультур при интерпретации извинения с точки зрения искренности и вежливости могут полагаться на различные контекстуальные факторы. Таким образом, смена одного из параметров контекста, в частности языкового кода, может влиять на восприятие искренности и вежливости извинения.

В соответствии с выдвинутой гипотезой и поставленной общей целью в диссертации сформулированы следующие **задачи**:

- 1) описать особенности извинения как речевого акта, его типологию и способы выражения в английском и русском языках;
- 2) рассмотреть понятия «искренность» и «вежливость», их статус в языковедческих исследованиях и значимость для речевого акта извинения;
- 3) изучить подходы к определению контекста и его роль в восприятии прагматических характеристик извинения;

- 4) сравнить особенности интерпретации искренности и вежливости извинения носителями и неносителями английского языка;
- 5) определить контекстуальные факторы, влияющие на оценку искренности и вежливости носителями и неносителями английского языка;
- 6) установить зависимость оценивания искренности и вежливости извинения от смены языкового кода путем сопоставления оценок ситуаций, звучащих на языке оригинала (английский язык) и на языке перевода (русский язык);
- 7) выяснить характер взаимосвязи искренности и вежливости в восприятии и оценивании извинения респондентами;
- 8) выявить особенности передачи прагматических значений и характеристик извинения при переводе с английского на русский язык.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первым комплексным исследованием влияния контекста на восприятие речевого акта извинения. В частности, в работе впервые:

- 1) проведен анализ особенностей влияния контекстуальных факторов извинения на оценку слушающим / наблюдателем таких его прагматических характеристик, как искренность и вежливость;
- 2) предпринята попытка изучить различия в восприятии искренности и вежливости речевого акта извинения между носителями и неносителями английского языка;
- 3) описана взаимосвязь искренности и вежливости при их оценивании слушающим в речевом акте извинения;
- 4) исследовано влияние смены языкового кода на перцепцию и оценивание слушающим / наблюдателем искренности и вежливости извинения;
- 5) выявлены особенности способов передачи прагматических характеристик извинений при переводе с английского языка на русский;
- 6) для изучения восприятия искренности и вежливости извинения применены семантико-дифференциальные шкалы, стимулирующим материалом в которых выступили аудио- и видеозаписи из художественных фильмов, содержащие извинения (то есть использованы особые методы сбора данных).

Для достижения цели и решения указанных задач в настоящей работе проведено **два эмпирических исследования**. Первое было призвано ответить на ряд вопросов, главными из которых явились следующие: совпадает ли оценка искренности и вежливости извинений, представленных вне контекста и в контекстуальном окружении, на что опираются респонденты в своих оценках; как различается восприятие и оценка искренности и вежливости у носителей и неносителей английского языка; какова корреляция между оценками искренности и вежливости извинения. Участниками этого исследования выступили студенты-магистры разных специальностей Института

международных исследований, г. Монтерей, США (44 респондента).

Во втором эмпирическом исследовании были поставлены следующие вопросы: меняется ли восприятие и оценивание извинений с точки зрения искренности и вежливости при смене языкового кода, то есть в переводах ситуаций, содержащих данный речевой акт, с английского языка на русский, а значит, при частичной смене контекстуальных параметров; на какие контекстуальные факторы опираются респонденты при оценивании искренности и вежливости; существует ли корреляция между оценками искренности и вежливости. Участниками эксперимента выступили студенты третьего и четвертого курсов специальности 031202.65 «Перевод и переводоведение» гуманитарного факультета Нижневартковского государственного гуманитарного университета, то есть носители русского языка, изучающие английский язык как основной иностранный (26 респондентов).

Для выявления особенностей передачи извинения и его прагматических характеристик был проведен сопоставительный анализ речевых актов извинения на английском и русском языках. **Материалом** для данного анализа послужили эпизоды из современных англоязычных художественных фильмов и их переводы на русский язык (486 речевых актов извинения на английском и русском языках). В качестве материала в эмпирических исследованиях были использованы: в первом случае, аудио- и видеофрагменты из импровизационного фильма «Мел» (“Chalk”), а во втором – видеоотрывки из кинофильма «Мой мальчик» (“About a boy”) на английском языке и его перевода на русский язык, содержащие эксплицитные способы выражения извинений (всего 46 речевых актов).

Ситуации с речевым актом извинения, послужившие материалом изучения, в том числе в двух эмпирических исследованиях, в основном ограничиваются жанром формальной и неформальной бесед. Выбор жанра обусловлен тем, что искренность и вежливость имеют большое значение для межличностного общения и являются важными условиями успешной коммуникации как в официальных, так и в неофициальных ситуациях. Данные материалы максимально точно воспроизводят естественную устную речь и дают возможность участникам эксперимента воспринимать извинения в их лингвистическом и экстралингвистическом контекстах.

Цель и конкретные задачи исследования продиктовали **методы**, которые используются в работе при анализе материала. Основным является метод комплексного количественного и качественного анализа данных. Количественная обработка заключалась в проведении статистического анализа количественных данных, полученных с помощью семантико-дифференциальных шкал. В работе применялись следующие статистические методы: критерий Стьюдента (двухвыборочные *t*-критерии для зависимых выборок, двухвыборочные *t*-критерии для независимых выборок) и коэффициент соотношения Пирсона [Hatch, Farhady 1982]. При обработке качественных данных, полученных при помощи открытых вопросов анкеты, использовался метод сканирования для выявления закономерностей и

ключевых выражений в оценках искренности и вежливости. К качественным также относится дискурсивный анализ ситуаций с извинениями из художественных фильмов, часть из которых предлагалась участникам эмпирических исследований для оценки. Кроме того, был проведен лексико-синтаксический, функционально-стилистический и контекстологический анализ примеров извинений. Для определения семантической структуры лексических единиц со значением извинения применялся также компонентный метод анализа.

Теоретическую базу исследования составляют работы ведущих отечественных и зарубежных учёных в области общей теории языковой прагматики (Дж. Остин, Дж. Серль, Э. Коэн, Дж. Л. Мей, Т.А. ван Дейк, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Т.В. Булыгина, В.З. Демьянков, С.М. Соболева), а также прагматики извинения (Ш. Блюм-Калка, М. Дойчманн, Дж. Хаус, Г. Каспер, Р.Т. Лакофф, Р. Ратмайр, Е.А. Плетнева, Т.В. Тарасенко и др.), теории дискурса (Т.А. ван Дейк, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, В.Г. Гак, В.И. Карасик, С.Н. Плотникова, Е.В. Сидоров, Н.И. Формановская, Дж. Гумперц, С. Торнбери, Д. Слейд, Г. Браун, Дж. Юл, Дж. П. Джи, Д. Шифрин, Д. Таннен, Х. Хамилтон, Х. Уиддоусон, А. Вежбицкая, Л.Дж. Филлипс, М.В. Йоргенсен, О. Йокояма), теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, П. Грайс, Д. Вандервекен, Т.А. ван Дейк, В.З. Демьянков, И.М. Кобозева, Е.В. Падучева), контекстуализма (Н.Н. Амосова, И.В. Арнольд, Л.С. Бархударов, И.Р. Гальперин, В.Г. Гак, И.Т. Касавин, Г.В. Колшанский, В.Я. Мыркин, Я.И. Рецкер, И.Г. Торсуева, З.И. Хованская, С. Гудвин, А. Дуранти, Л. ван Лиер, Б. Малиновский, К. Крамш, Д. Хаймс, Дж. Фёрт, Т.А. ван Дейк, М. Хэллидей, Р. Хасан, А. Хьюинс и М. Хьюинс, Н.Э. Энквист), общей теории коммуникации (И.Н. Горелов, Г.А. Копнина, А.А. Леонтьев, М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филлипс, Г.Е. Крейдлин, М.А. Кронгауз), теории переводоведения (Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Н.К. Гарбовский, Л.К. Латышев, А.Л. Семенов).

Теоретическая значимость заключается в расширении существующих представлений о роли различных слоев контекста в общении, что может способствовать решению важных вопросов современной лингвистики о соотношении языка, культуры и личности. Результаты исследования вносят определенный вклад в общую теорию языковой прагматики, равно как и в теорию речевых актов, в частности речевого акта извинения в сопоставительном межкультурном ракурсе.

Практическая ценность настоящего исследования обусловлена возможностью использовать материалы диссертации и полученные результаты анализа в теоретических курсах прагмалингвистики, дискурсивного анализа, межкультурной коммуникации, переводоведения, а также в практических курсах по культуре речевого общения, в практике обучения иностранным языкам.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Восприятие извинения как искреннего / неискреннего и вежливого / невежливого определяется четырьмя базовыми уровнями контекста: локальными – *лингвистическим и ситуационным*, более широкими –

лингвистическим и *социокультурным* контекстами. Локальные слои включают лексико-грамматические и просодические характеристики извинения в целостной ситуации. Широкие слои контекста обнаруживают связь вежливости с искренностью извинения, уместность высказывания и его прагматических характеристик для определенной ситуации и/или культуры.

- 2) Распознавание типа извинения, передача его прагматического значения и таким образом создание коммуникативно-функциональной эквивалентности высказываний при переводе с английского языка на русский требует учета компонентов всех четырех слоев контекста.
- 3) Разные типы извинения по-разному соотносятся с искренностью и вежливостью: для реального извинения наиболее значимым является параметр искренности, в то время как вежливость имеет второстепенное значение; для конвенциональных извинений искренность менее релевантна по сравнению с вежливостью; ликоугрожающие извинения могут восприниматься как невежливые и неискренние.
- 4) Вежливость в отличие от искренности имеет более конкретные способы объективации в языке, и ее реализация национально-специфична. В связи с этим показатели вежливости извинения легче поддаются декодированию по сравнению с признаками искренности; кроме того, смена языкового кода как одного из контекстуальных факторов в большей степени влияет на восприятие вежливости, нежели искренности извинения.
- 5) Дискурсивный мониторинг искренности и вежливости речевого произведения, в нашем случае извинения, понимание его общего прагматического значения во многом зависит от жизненного опыта, личных убеждений, эмоционального состояния слушающего, что подтверждает правомерность когнитивного рассмотрения контекста как субъективных ментальных моделей, индивидуально-специфичных для каждого участника коммуникативного взаимодействия.
- 6) Искренность и вежливость при восприятии извинения не обязательно являются взаимозависимыми параметрами, о чем свидетельствует их умеренная положительная корреляция; как коммуникативные категории они по-разному соотносятся в сознании представителей разных лингвокультур.

Апробация работы. Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры лингвистики и перевода Нижневартовского государственного гуманитарного университета (2006-2009 гг.), а также в рамках курсов «Лингвистические исследования» и «Исследования в области прикладной лингвистики» на Факультете Устного и Письменного Перевода и Лингвистики Института Международных Исследований, г. Монтерей, США, (2008-2009). Отдельные этапы исследования были апробированы и представлены в виде докладов на следующих научных конференциях: на Международной научно-практической конференции «Кросскультурное и полиязычное образование в современном мире» (г. Костанай, Республика

Казахстан, 2009), на XV Международной конференции Национальной ассоциации преподавателей английского языка “Learning to Speak the Same Language” (Kazan, 2009), на Международной научной конференции «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы» (МГЛУ, Москва, 2011).

Структура и объем работы определяются поставленными целью и задачами исследования и отражают основные этапы и логику его развития. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, источников практического материала исследования, списка сокращений и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся положения, выносимые на защиту; описываются материал, методологическая база и методы исследования, структура работы и её апробация.

Первая глава «Речевой акт извинения: классификации и особенности функционирования» представляет собой описание теоретической базы исследования. Она посвящена рассмотрению современных подходов при изучении речевого акта извинения, описанию его структуры, форм, функций и стратегий. Здесь же освещаются способы выражения извинений в английском и русском языках. Кроме того, в данной главе приводится обзор эмпирических исследований, связанных с перцепцией речевого акта извинения, а также рассматривается понятие «контекст» и значимость его уровней в интерпретации извинения.

Речевой акт извинения неоднократно являлся объектом лингвистического изучения. Для выявления его сущности исследователи обращались к его прототипической структуре. Считается, что она состоит из четырех компонентов: обидчика (человек, причинивший ущерб), обиды (сам причиненный ущерб), обиженного (пострадавший, которому был нанесен ущерб) и самого извинения. Данные компоненты, за исключением речевого акта, могут быть как реальными, так и виртуальными, мнимыми. Так, обидчик может не нанести никакой реальной обиды, но думать иначе. «Обиженный» может не заметить обиды и, следовательно, не ждать извинения. Обида может варьироваться от серьезной до незначительной, что детерминирует форму извинения. Извинение может носить превентивный или смягчающий характер, предотвращая возможную обиду на бестактный вопрос, возражение, отказ. Все эти слагаемые играют решающую роль в выборе нужного средства с признаком интенциональности извинения.

По вопросу о месте извинения в системе речевых актов мнения лингвистов расходятся: ряд исследователей (Дж. Остин, Дж. Серль), в частности, говоря об английском языке, относят извинение к экспрессивам. При этом другие ученые (Р. Ратмайр) склонны считать его директивным речевым актом, по крайней мере, в русском, немецком и английском языках.

Однако очевидно, данный речевой акт обладает признаками, характерными для разных иллокутивных классов, и носит смешанный характер (имеет экспрессивные и директивные способы выражения). В отечественном языкознании извинение рассматривается как этикетный речевой жанр, то есть как коммуникативное действие, предусмотренное этикетом определенного социума [Ковалева 2009; Тарасенко 1999].

Относительно номенклатуры и семантики речевого акта извинения в английском языке следует отметить количественный состав (7 единиц) и качественное разнообразие, объединенное на основе признака интенциональности. При этом ряд лексем обладает общей имманентной характеристикой в виде семы извинения: *apologise, apology, excuse, forgive, pardon, regret* и *sorry*. В русском языке к эксплицитным извинениям обычно относят следующие глаголы и глагольные словосочетания: *просту/те, извини/те, прошу прощения, приношу (свои) извинения, примите (мои) извинения, извиняюсь*, которые отличаются функционально-стилистическими характеристиками. В некоторых лексических единицах обоих языков сема извинения актуализируется только в определенном контексте (*be afraid; жаль*).

Для английского наиболее частотного извинения *sorry* характерно выражение говорящим своего сожаления по поводу нанесенного ущерба, оно не содержит какого-либо побуждения по отношению к адресату, по сравнению с императивными формами *Excuse me* и *Pardon (me)*. Русское *извини/те* выражает просьбу извинить говорящего, направленную на адресата, она, напротив, содержит побуждение изменить отношение адресата к говорящему. Анализ семантики лексических единиц со значением извинения и их функционирования в дискурсе показал, что семантическая структура английских лексем извинения сложнее по сравнению с русскими и поле их функционирования является более широким. Основное прагматическое значение извинений как в английском, так и в русском языках заключается в поддержании гармонии между собеседниками; это не только выражение сожаления по поводу случившегося, но и нередко формальный маркер вежливости.

В лингвистических исследованиях зарубежных и отечественных авторов неоднократно предпринимались попытки классифицировать извинения (М. Дойчманн, Р. Ратмайр, Е.А. Плетнева). В данной работе за основу взята классификация М. Дойчманна [Deutschmann 2003], согласно которой выделяются четыре типа извинений (однако мы используем несколько иную терминологию для второй и третьей групп, на наш взгляд, более точно отражающую сущность извинения):

- 1) реальные извинения произносятся в случаях серьезного материального или морального ущерба (*real*);
- 2) конвенциональные извинения используются в ситуациях с минимальной обидой либо при её полном отсутствии (*formulaic*);
- 3) конвенциональные извинения с дополнительными функциями могут звучать в ситуациях, где «обида» незначительна, а извинение служит для смягчения просьбы или привлечения внимания (*formulaic with added*

functions);

- 4) ликоугрожающие (face-threatening) извинения используются в случаях, не требующих компенсирующей функции, когда обида считается тривиальной, а также в ситуациях, в которых извинение используется как вызов, несогласие и т.п.

Вслед за исследователями речевого акта извинения в рамках Проекта реализации межкультурных речевых актов (Е. Ольштейн, Э. Коэн, Ш. Блум-Калка, Д. Хаус и Г. Каспер) в работе различаются основные и второстепенные стратегии. Две основные стратегии, которые могут использоваться в любой ситуации: 1) индикатор иллюкутивной силы (ИИС), то есть эксплицитные формы извинения: *(be) sorry, apologize, regret, excuse, извини/те, прости/те, прошу прощения* и т.д.; 2) выражение ответственности говорящим, что связано с его стремлением признать свою вину. Три других стратегии: 3) предложение объяснения, или обоснование, 4) предложение компенсации ущерба, и 5) обещание того, что подобное не повторится, зависят от конкретной ситуации и вербально отражают содержание этой ситуации [Olshtain, Cohen 1983: 22-23; Blum-Kulka, House, Kasper 1989: 289-294].

Все приведенные выше положения и подходы легли в основу анализа примеров из художественных фильмов и стимулирующего материала, использованного в эмпирических исследованиях.

В данной главе рассматривается также понятие «контекст» и отмечается его значимость для многих наук: философии, социальной антропологии, аналитической психологии. В языкознании современные дискуссии определяются идеями британской школы контекстуализма Б. Малиновского и Дж. Ферта, которые подчеркивали преимущество антропологического изучения языка перед внутрисистемным подходом.

С развитием когнитивной лингвистики в рамках антропоцентрической парадигмы стала очевидна ограниченность системно-функциональной интерпретации контекста. Когнитивный подход, делая акцент на способах познания, раздвигает границы контекста и позволяет рассматривать его в терминах субъективных ментальных моделей – контекстуальных моделей участников интеракции. Такой подход, по мнению Т. ван Дейка [van Dijk 2008], дает возможность объяснить индивидуальные различия между участниками коммуникации: своеобразие в их речепорождении, а также в восприятии и понимании дискурса.

Контекст извинения в работе представлен вслед за А. Хьюинс и М. Хьюинсом [Hewings, Hewings 2005] в виде четырех уровней (локальный лингвистический, более широкий лингвистический, локальный ситуационный и более широкий социокультурный), которые, наслаиваясь друг на друга, влияют не только на производство речевого акта, но и на его перцепцию. Под локальным языковым контекстом понимается язык, предшествующий высказыванию и следующий за ним, равно как и лингвистическое наполнение самого высказывания, то есть его лексико-грамматические характеристики, просодические свойства и функционально-стилистические параметры.

Более широкий лингвистический контекст подразумевает

интертекстуальность, то есть фоновые знания коммуникантов, которые привносятся в текст из их опыта пересечения с другими текстами подобного типа. Локальный ситуационный контекст включает такие компоненты, как особенности участников коммуникации и их взаимоотношения, ситуация общения (время, место, объекты и события, имеющие отношение к происходящему), а также невербальное поведение собеседников. Более широкий социально-культурный контекст охватывает национально-специфические, социально-групповые и институциональные особенности речевого поведения. В англоязычной культуре, например, высоко ценится личное пространство индивидуума, и его нарушения требуют извинения со стороны «обидчика». В русскоязычной культуре извинения в подобных ситуациях не являются типичными.

Представление контекста в виде уровней – локального и более широкого лингвистического и локального ситуационного, а также социокультурного контекстов, предлагаемое в работе, – позволяет структурировать анализ эмпирических данных, классифицировать контекстуальные факторы (то есть различные компоненты в разных слоях контекста), влияющие на перцепцию искренности и вежливости извинения.

Во **второй главе** «О понятиях “искренность” и “вежливость” в теории речевых актов и их значении для извинения» рассматриваются основные подходы к определению указанных понятий, определяется их значение в реализации речевого акта извинения, освещается проблема восприятия и интерпретации этих параметров слушающим / наблюдателем, а также обсуждается возможное соотношение искренности и вежливости вообще и относительно извинения в частности.

Изучение литературы по вопросу свидетельствует о том, что искренность и вежливость представляют собой существенные аксиологически значимые явления, обусловленные социальным характером коммуникации, и определяются лингвистами как коммуникативные категории, которые представляют собой совокупность суждений, установок, правил языкового общения [Гловинская 2005; Ларина 2003; Стернин: 2005]. В лингвистике искренность и вежливость исследуются относительно различных речевых актов и типов дискурса, а также с разнообразных позиций: с точки зрения говорящего, содержания высказывания или с точки зрения адресата.

Феномен искренности вызывает интерес не только у лингвистов, но и у философов, психологов, а также социологов, и, таким образом, изучается на стыке целого ряда гуманитарных наук. Искренность в философии и лингвистике предполагает наличие соответствия между чувствами, мыслями или действиями говорящего и его высказыванием; искренность в социологии и лингвистике (социолингвистике) – важная коммуникативная категория, которая обеспечивает успешность речевого акта. Психологи и лингвисты различают вербальные и невербальные способы выражения искренности.

Распознавание искренности нередко затруднено несоответствием между языковым выражением (пропозициональным содержанием) высказывания и его иллокутивной силой (намерением говорящего) и требует учета многих

экстралингвистических факторов: ситуации общения (времени, места), личностных качеств говорящего, характера его взаимоотношений с собеседником и т.д.

На сегодняшний день не предпринималось серьезных попыток исследовать уровень искренности извинений. Одним из немногих авторов, касающихся этого вопроса, является М. Дойчманн, который рассматривает искренность извинения в соответствии с четырьмя уровнями – от неискренного до в высшей степени искреннего – и подразделяет на: 1) саркастические, 2) вызывающие, 3) обыденные и 4) искренние. При этом лингвист отождествляет типы извинения с уровнями искренности: саркастические и вызывающие – ликоугрожающие извинения, обыденные – конвенциональные и конвенциональные с дополнительными функциями, искренние – реальные [Deutschmann 2003]. Такая модель искренности извинения представляется не совсем обоснованной, так как, например, реальные извинения могут быть как искренними, так и неискренними. На наш взгляд, искренность не может быть полярной, и высказывание с точки зрения искренности следует оценивать по градуальной шкале от искреннего до неискренного.

Вежливость изучена лингвистами в большей степени, нежели искренность, о чем свидетельствуют многочисленные публикации. Вместе с тем, разногласия по ряду вопросов относительно её сущности и функций указывают на актуальность данной проблемы. В отечественной лингвистике подчеркивается категориальный характер данного феномена, обобщающего представления нации о нормах и правилах общения [Земская 2004; Ларина 2003; Стернин 2005; Формановская 2007].

Большинство теорий представляют суть вежливости как: 1) способ сохранить или восстановить гармонию в социальном взаимодействии (Р. Лакофф, Дж. Лич, Б. Фрейзер и У. Ноулен, П. Браун и С. Левинсон, Дж. М. Грин, Дж. Холмс); 2) средство удовлетворения желаний своего эго (Р. Дж. Уоттс, М. Джари, Г. Хелд) и 3) социально приемлемое поведение или его регулятор (А. Дж. Мейер, Е.А. Земская). Поскольку вежливость как коммуникативная категория выражается и воспринимается по-разному в разных лингвокультурах, невозможно придерживаться только одного из вышеупомянутых определений её содержания. Таким образом, недостаточно обоснованными представляются утверждения о том, что во всех культурах вежливость – это проявление заботы о других или, напротив, способ удовлетворения собственного эго. По справедливому замечанию Т.В. Лариной, вежливость имеет национально-специфичный характер, и концепт вежливости в одной культуре не обязательно совпадает с её трактовкой в другой [Ларина 2003].

Извинение часто связывают с категорией вежливости. Однако мы, вслед за Р. Ратмайр, считаем, что вежливость не является внутренне присущей характеристикой речевого акта извинения, а её реализация зависит от серьезности нанесенной обиды и повода для извинения [Ратмайр 2003].

Исследование практического материала убеждает нас в том, что искренность и вежливость по-разному соотносятся с различными типами

извинения. Так, для реального извинения наиболее значимым является параметр искренности: для того чтобы реальное извинение было успешным, говорящий должен искренне сожалеть о содеянном, иначе его извинение потеряет смысл, при этом параметр вежливости имеет второстепенное значение. В то же время вежливость является важным критерием для конвенциональных извинений, в которых обида является минимальной или вообще отсутствует, а также конвенциональных извинений с дополнительными функциями. Однако такие извинения достаточно сложно оценить с точки зрения искренности, так как они часто носят условный характер. Ликоугрожающие извинения, лишённые компенсирующей функции, воспринимаются слушающим как невежливые, а параметр искренности в таких извинениях вообще утрачивает релевантность.

Значимым для дальнейшего анализа является то, что упомянутые коммуникативные категории имеют свои национально-специфические особенности, их можно рассматривать как семиотрические величины, которые возможно оценить с помощью соответствующих лингвистических методов по градуальной шкале на основе вербальных и невербальных компонентов; при этом значительная роль при их оценивании отводится контексту.

В третьей главе «Сопоставительное исследование контекстуально-обусловленных оценок прагматики извинения» проводится дискурсивный анализ примеров извинений из художественных фильмов на английском языке и их переводов на русский язык. Здесь же анализируются результаты эмпирических исследований, проводится статистический анализ особенностей оценки речевого акта извинения носителями и неносителями английского языка при наличии и отсутствии вербального и невербального контекстов; определяются критерии восприятия речевого акта извинения как искреннего / неискренного, вежливого / невежливого представителями разных лингвокультур. Кроме того, выявляются особенности взаимосвязи между оценкой искренности и вежливости извинения: наличие или отсутствие положительной или отрицательной корреляции между интерпретацией искренности и вежливости извинения. Определяется влияние языкового кода на восприятие речевого акта извинения как искреннего / неискренного и вежливого / невежливого, а также рассматриваются способы передачи прагматики извинения при переводе с английского на русский язык.

Согласно результатам первого эмпирического исследования, восприятие искренности и вежливости извинений, лишённых ситуационного и локального лингвистического контекстов, значительно отличалось от оценок извинений, представленных в видеоотрывках. Причем данные отличия наблюдались в обеих группах респондентов – носителей и неносителей английского языка. Как носители, так и неносители английского языка указывали на трудности интерпретации искренности и вежливости речевого акта извинения, полностью изолированного от контекста, что свидетельствует о ключевой роли контекста в восприятии речевого акта извинения в английском языке как искреннего / неискренного и вежливого / невежливого. Таким образом, результаты

исследования подтверждают мнение лингвистов (Г.В. Колшанский, Л.С. Бархударов, Л. ван Лиер, К. Крамш, А. Хьюинс, М. Хьюинс, Т.А. ван Дейк и др.) о том, что понимание любого языкового явления невозможно вне его контекстуального окружения; контекст подобен линзе, в фокусе которой следует рассматривать и интерпретировать любое высказывание.

Чтобы определить уровни контекста и контекстуальные факторы, на которые ориентировались респонденты при интерпретации искренности и вежливости, обратимся к объяснениям их оценок. В своих суждениях об этих качествах извинений респонденты первого эмпирического исследования в большей или меньшей степени опирались на все четыре слоя: локальный и более широкий лингвистический, локальный ситуационный и социокультурный контексты.

Так, при интерпретации искренности извинений участники исследования обращались к следующим контекстуальным факторам: 1) в рамках локального лингвистического контекста – к просодическим характеристикам извинений, таким как интонация, тембр и высота голоса, длина звука, а также ударение; к лексико-грамматическим характеристикам извинения (наличие / отсутствие интенсификатора “*so*” и редуцированной / нередуцированной формы – “*I’m*”, “*I am*”); к высказываниям собеседников до и после фразы извинения; 2) в рамках более широкого лингвистического контекста респонденты, опираясь на свои фоновые знания относительно речевого акта извинения, строили предположения о гипотетической ситуации, в которой может прозвучать та или иная фраза с извинением; 3) в рамках локального ситуационного контекста участники опроса ссылались на саму ситуацию извинения, чувства и эмоции говорящих, взаимоотношения между собеседниками, их невербальное поведение (жесты, мимику, выражение лица и т.д.); 4) в рамках более широкого социокультурного контекста отмечалась уместность высказывания для определенной лингвокультуры.

В своих оценках вежливости извинений, респонденты опирались на следующие контекстуальные факторы: 1) в рамках локального лингвистического контекста участники эксперимента указывали на просодические свойства высказывания (интонацию, тембр, высоту голоса, длину звука и ударение), лексико-грамматические характеристики самого извинения (наличие / отсутствие интенсификатора, нередуцированной / редуцированной формы глагола) и других реплик коммуникантов, уровень формальности извинения; 2) в рамках более широкого лингвистического контекста респонденты комментировали уместность деконтекстуализованного извинения, полагаясь на свои знания о вероятной ситуации, в которой может прозвучать та или иная фраза с извинением; 3) в рамках локального ситуационного контекста респонденты либо пытались воссоздать ситуацию с извинением, либо ссылались на действия участников коммуникации, взаимоотношения собеседников, эмоции и чувства говорящих; 4) в рамках более широкого социокультурного контекста респонденты указывали на тесную связь вежливости извинения с уровнем его искренности, оценивали уместность высказывания для определенной ситуации, утверждали, что

извинение само по себе является проявлением вежливости, а также ссылались на национально-культурную специфику извинений.

Наиболее существенным различием в объяснении респондентов их оценок искренности и вежливости было то, что при интерпретации искренности они часто обращались не только к лексическому наполнению извинения и самой ситуации, но и к невербальному поведению коммуникантов, в то время как при толковании вежливости участники эксперимента в гораздо меньшей степени ориентировались на невербальное поведение, то есть на мимику и жесты говорящих (особенно носители языка). Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что и искренность, и вежливость можно распознать с помощью просодических свойств высказывания, ситуации извинения, характеристик участников коммуникации; при этом признаки искренности проявляются в большей степени в невербальном поведении говорящих (жесты, мимика, визуальный контакт), тогда как вежливости – в вербальном.

Кроме того, при интерпретации вежливости участники данного эмпирического исследования указывали на уместность или типичность извинения в конкретной ситуации для англоязычной коммуникативной культуры, то есть опирались на более широкий социокультурный контекст, чего они практически не делали при оценивании искренности. Таким образом, результаты нашего анализа подтверждают мнение ряда исследователей о вежливости как национально-специфичной коммуникативной категории. При этом мы не отрицаем национальные особенности искренности в том смысле, что она может иметь различное аксиологическое значение для разных культур: например, для русскоязычной культуры искренность, правдивость и прямота рассматриваются как особенно положительные свойства характера [Арутюнова 1998; Ратмайр 2003].

В целом, согласно анализу качественных данных, можно констатировать, что признаками искренности и вежливости извинения считаются наличие усилителей (например, “so”), акцентуация интенсификаторов, акцентуация самой лексемы извинения (например, в “*I’m sorry*” ударение приходится на слово “*sorry*”, а не на местоимение или глагол-связку), эмоциональность речи говорящего и др. Значимым, на наш взгляд, является тот факт, что обе группы респондентов признавали акцентуацию и/или пролонгацию интенсификатора признаком искренности и/или вежливости извинения, однако гиперболизированные усилительные частицы и наречия нередко приобретали, по их мнению, саркастическую коннотацию. Отсюда следует, что неносители языка, участвовавшие в исследовании, обладают прагматическими знаниями в плане просодических особенностей деконтекстуализованных извинений в равной степени с носителями языка. При этом, как уже упоминалось выше, только носители языка считали наличие эмфатических компонентов и нередуцированную форму глагола-связки признаками вежливости или искренности. Неносители языка в основном ссылались на акцентуацию интенсификаторов, а не на их наличие как таковое, то есть в своих суждениях об искренности они опирались главным образом не на лексическое наполнение высказывания, а на его интонационную структуру.

Относительно различий в оценках искренности и вежливости в извинениях между носителями и неносителями английского языка результаты исследования показали, что две группы респондентов оценивали искренность извинений по-разному и в контексте, и без него, в то время как рейтинги вежливости не имели явных различий. Объяснение этому обнаруживается в комментариях респондентов исследования. Как уже отмечалось выше, при аргументировании своих оценок вежливости как носители, так и неносители языка почти не упоминали невербальное поведение коммуникантов, в то время как для интерпретации искренности невербальное поведение говорящих играло важную роль. Исходя из сказанного, можно предположить, что вежливость в отличие от искренности имеет более конкретный арсенал языковых (просодических, лексико-грамматических) средств выражения, который облегчает ее распознавание. Так как искренность проявляется еще и в невербальном поведении говорящих, которое может нести различную смысловую нагрузку в разных культурах, на восприятие искренности могли повлиять культурно-специфичные особенности респондентов. Таким образом, хотя искренность и относится к универсальным ценностным характеристикам общения, она может по-разному закрепляться в особенных для каждой культуры правилах поведения, в том числе коммуникативного, и, соответственно, неодинаково интерпретироваться носителями разных культур.

Важно, на наш взгляд, отметить, что все участники исследования в основном успешно реконструировали гипотетическую ситуацию, в которой звучало извинение, опираясь на минимальное лексическое наполнение высказываний в деконтекстуализованных извинениях (например, "*Sorry, 574*", "*I'm sorry you're having a bad day*" и "*Forgive me if this is really...*"). Так, извинение "*Sorry, 574*", прозвучавшее при коррекции речевой ошибки (учитель назвал не ту страницу учебника), правомерно было отнесено к конвенциональным извинениям; по мнению респондентов, "*I'm sorry you're having a bad day*" в большей степени представляет собой выражение сочувствия, нежели извинение за нанесенную «обиду»; а "*Forgive me if this is really...*" часто предшествует неприятной новости или нетактичному вопросу. Тот факт, что неносители языка в основном безошибочно распознавали иллокутивную силу упомянутых выше извинений, свидетельствует не только об их высоком уровне владения английским языком, но и об умении опираться на фоновые знания о функционировании подобных формул извинения.

Анализ комментариев показал, что носители языка, как правило, связывали вежливость с формальным уровнем ситуации общения; это, вероятно, свидетельствует о том, что формальная ситуация в англоязычной культуре предполагает более высокий уровень вежливости по сравнению с неформальной.

Судя по результатам анализа, для неносителей языка речевой акт извинения нередко считается признаком вежливости, что, по всей видимости, может найти объяснение в специфичных для культур неносителей английского языка нормах поведения, в том числе коммуникативного. Кроме того, при оценке высказывания неносители чаще носителей языка ссылались на

невербальное поведение участников коммуникации: жесты, выражение лица, зрительный контакт и т.д. По всей вероятности, при общении на иностранном языке человек в большей степени нуждается в экстралингвистических подсказках.

Заметим, что оценки искренности и вежливости варьировались даже в пределах одной группы респондентов (в особенности искренности), независимо от наличия или отсутствия контекста (о чем свидетельствуют относительно высокие стандартные отклонения). Кроме того, в своих комментариях оценок искренности и вежливости участники исследования ссылались на одни и те же вербальные и невербальные характеристики извинения (например, просодические свойства высказывания, невербальное поведение говорящих), но иногда интерпретировали их по-разному. Это объясняется тем, что истинный ответ на вопрос, является ли высказывание искренним или неискренним, можно найти в сознании говорящего, и для слушающего он представляет довольно серьезную проблему. Более того, восприятие и оценки искренности и вежливости человека зависят от широкого спектра переменных, таких, как жизненный опыт, личные убеждения, настроение на момент опроса.

Таким образом, участник коммуникативного акта, воспринимая высказывание, выбирает свой индивидуальный параметр из множества возможных, предоставляемых контекстом для понимания и интерпретации этого высказывания. Релевантные в конкретный момент для слушающего контекстуальные факторы субъективны и динамичны по своей сути, они предопределяют особенности восприятия речевого акта. Сказанное выше убеждает в том, что контекст, в том числе локальный лингвистический, можно рассматривать как набор субъективных ментальных моделей, специфичных для каждого участника речевого взаимодействия.

Согласно результатам второго эмпирического исследования, целью которого было установление роли языкового кода (как части лингвистического контекста) при восприятии искренности и вежливости извинений, явных различий в перцепции искренности исследуемого речевого акта на английском языке и в русском переводе не существует, в то время как оценка вежливости на языке оригинала отличалась от интерпретации извинений на языке перевода, из чего следует, что при переводе на русский язык уровень вежливости извинений существенно изменился.

Это дает нам основания утверждать, что в восприятии искренности извинений респонденты опирались в большей степени на экстралингвистические особенности ситуаций извинения, нежели на лингвистическое наполнение высказывания, что подтверждает результаты первого эксперимента. Ответы студентов, участвовавших в исследовании, позволяют сделать вывод о том, что при интерпретации искренности извинений они пользовались знанием ситуаций с извинениями в целом, то есть характером взаимоотношений между собеседниками, сущностью нанесенной «обиды» и т.д., в то время как при оценке вежливости респонденты в большей степени ориентировались на ее вербальные проявления, специфичные для каждого языка. Например, в английском языке признаком вежливого извинения может

являться наличие интенсификаторов в виде усилительной частицы “so” или наречия “really”; в русском языке среди средств выражения вежливости имеется, прежде всего, специальная уважительная форма глагола («*Простите*», «*Извините*») наряду с другими способами, которые могут помочь обеспечить адекватность перевода в плане вежливости.

Согласно оценкам респондентов, большинство извинений было признано вежливыми. Очевидно, причина этого кроется в ассоциативной связи извинения с вежливостью, о чем также свидетельствуют комментарии ряда участников, которые писали, что извинение – это проявление вежливости независимо от ситуации («извинение само по себе вежливо»).

При оценивании уровня искренности и вежливости участники эксперимента главным образом пытались интерпретировать ситуации извинения в целом. Часть респондентов, комментируя свои оценки вежливости, также ссылались на использование определенной лексемы и ее уместность для конкретной ситуации («Потому что девушка сказала, что ей “ужасно жаль”», «Достаточно вежливая форма для того, чтобы переспросить имя», «Я считаю более уместным здесь было бы “Сожалею” или “Мне очень жаль”, но не “извини”» и др.)

Подобные комментарии часто содержали намек или ссылку на особенности вежливого / невежливого поведения в различных лингвокультурах (в англо- и/или русскоязычной). Например, объясняя вежливость извинений на языке перевода (ПЯ), респонденты писали: «Нужно всегда извиняться, когда опаздываешь»; «переспрос имени требует вежливости во всех культурах»; «она немного сочувствовала ему, русские обычно не извиняются в таких случаях»; «мы не извиняемся в случаях, когда мы смущены».

В целом оценки вежливости извинения на ПЯ были несколько выше оценок извинений на исходном языке (ИЯ), объяснения чему кроются в комментариях респондентов оценок извинений на русском языке, в которых они отмечали отсутствие необходимости извинения в рассматриваемой ситуации вообще. Все вышесказанное свидетельствует о несовпадении ситуаций, предполагающих извинение в русской и английской коммуникативных культурах, в связи с чем извинения в русском переводе могут казаться особенно вежливыми. Таким образом, проведенный анализ подтверждает национальную специфику категории вежливости.

Анализ способов передачи прагматики извинения при переводе с английского языка на русский обнаружил, что извинения всех типов (реальные, конвенциональные и ликоугрожающие) могут передаваться на русский язык с помощью эксплицитных формул извинения, путем использования других стратегий извинения (принятие ответственности, объяснение) или вообще опускаться. При этом конвенциональные и ликоугрожающие извинения чаще, чем реальные переводятся на русский язык не эксплицитными извинениями, что объясняется дополнительными функциями первых (переспрос, привлечение внимания, возражение и т.д.).

Как уже отмечалось, учет прагматического уровня содержания высказывания очень важен при переводе, когда необходимо выбирать не

просто смысловые эквиваленты высказывания, то есть единицы, обозначающие идентичные элементы действительности, а коммуникативно-функциональные соответствия, способные вызвать у иноязычного получателя реакцию, сходную с той, которую данное сообщение вызывает на языке оригинала. Для достижения адекватности перевода ситуаций извинения с английского на русский язык следует также учитывать национальную специфику коммуникативного поведения в англоязычной и русскоязычной культурах.

На основе сопоставления ситуаций извинения на ИЯ и ПЯ можно выделить несколько основных способов передачи прагматики извинения, в частности искренности и вежливости в русском языке: употребление апеллятива («*Прости, Уилл*»), специальных форм глаголов («*Простите*», «*Извините*»), сопровождающих обращение к собеседнику на «*Вы*»; использование частицы «*пожалуйста*» («*Простите, пожалуйста*»), добавление усилительных частиц и наречий «*так*», «*очень*», «*ужасно*» («*Мне ужасно жаль*») или личного местоимения в постпозиции к глаголу извинения («*Простите меня*»).

Что касается соотношений оценок искренности и вежливости, то эти две характеристики извинения не обязательно являются взаимозависимыми, о чем свидетельствует их умеренная положительная корреляция, то есть извинения, которые воспринимаются как искренние, совсем не обязательно считаются вежливыми, и наоборот, извинения, воспринимаемые слушателем как вежливые, не всегда рассматриваются как искренние. Тем не менее, нельзя говорить о полном отсутствии корреляции между оценками искренности и вежливости. Комментарии респондентов обоих эмпирических исследований убеждают в том, что соотношение этих двух параметров может зависеть от языка и культуры воспринимающего речевой акт извинения. Так, носители английского языка ассоциировали вежливость извинения с его искренностью (“*the sincerity corresponds to degree of politeness for me*” – «*для меня искренность соответствует уровню вежливости*»; “*because the tone was so insincere, it couldn't possibly be polite*” – «*оно не может быть вежливым, потому что звучит неискренне*»), а русскоязычные респонденты, напротив, подчеркивали, что вежливость не связана с искренностью («*в русской культуре вежливость не значит искренность*»).

Таким образом, исследование влияния контекстуальных факторов на восприятие прагматики извинения показало, что оценка искренности и вежливости данного речевого акта напрямую зависит от интерпретации слушающим / наблюдателем контекстуальных факторов в рамках всех четырех уровней контекста: локального лингвистического, более широкого лингвистического, локального ситуационного и более широкого социокультурного, которые тесно взаимосвязаны. Отсутствие вербального и невербального контекста значительно затрудняет интерпретацию искренности и вежливости извинения, однако, в таких случаях в силу часто вступает более широкий лингвистический контекст, то есть принцип интертекстуальности, используя который слушающий проводит параллель с высказываниями подобного типа и делает вывод об искренности и вежливости данного

извинения (например, “*Forgive me if...*” часто предваряет неприятный вопрос и/или информацию).

Несмотря на то, что все слои контекста служат опорой при оценивании извинения с точки зрения его искренности и вежливости, участник коммуникации свободен в выборе своего параметра для восприятия и интерпретации речевого акта. Кроме того, поскольку вежливость имеет более конкретные языковые способы выражения (специфичные для рассматриваемых языков) по сравнению с искренностью, последняя сложнее поддается интерпретации; по этой же причине смена языкового кода как одного из контекстуальных факторов в большей степени влияет на передачу и восприятие вежливости. Перцепция искренности и вежливости извинения имеет хотя и умеренную, но положительную корреляцию. И, наконец, при переводе ситуаций извинения с английского языка на русский необходимо учитывать не только пропозициональное содержание высказывания, но и национальную специфику коммуникативного поведения в англоязычной и русскоязычной культурах.

Подводя итог, отметим, что сопоставительное изучение влияния контекста на восприятие прагматики извинения в английском и русском языках, в результате которого были выявлены контекстуальные факторы, помогающие слушающему / наблюдателю интерпретировать речевой акт извинения как искренний / неискренний и вежливый / невежливый, подтверждает мысль о том, что язык неотделим от человека и культуры народа, который на нем говорит, и должен исследоваться с учетом всех этих факторов. Описание языка не может быть успешным без проникновения в значимые для человека социальные, культурные и экспрессивные смыслы.

В **Заключении** формулируются основные теоретические и практические выводы исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы в данной области. В частности, отмечается целесообразность сопоставления гендерных различий в оценивании искренности и вежливости речевого акта извинения. Возможно расширение исследования в плане успешности речевого акта, то есть влияния искренности и вежливости на принятие извинения собеседником.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора.

Статьи, опубликованные в изданиях, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»:

- 1) Авакимян, С.С. О понятии «искренность» и его трактовке в гуманитарных науках [Текст] / С.С. Авакимян // Вестник Челябинского гос. университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 28. № 37. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2008. С. 5-9;
- 2) Авакимян, С.С. О лингвокогнитивном подходе к феномену «искренность» [Текст] / С.С. Авакимян // Известия Российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена. № 92. СПб.: Изд-во

РПГУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 177-185;

- 3) Авакимян, С.С. О лингвистических аспектах искренности [Текст] / С.С. Авакимян // Вестник Иркутского гос. лингвистического университета. Филология. № 1. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2009. С. 161-167;

Другие публикации по теме диссертации в периодических научных изданиях и сборниках:

- 4) Авакимян, С.С. О прагматическом значении некоторых речевых формул [Текст] / С.С. Авакимян // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2008. С. 101-106;
- 5) Авакимян, С.С. Человек искренний по данным языка: к вопросу о концептуализации искренних качеств [Текст] / С.С. Авакимян // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Вып.6. Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2009. С. 58-67;
- 6) Авакимян, С.С. The Influence of Context on Perceptions of Sincerity in Apologies [Текст] / С.С. Авакимян // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. Вып. 2 (3). Челябинск: АНО «Содействие», 2011. С. 75-88.
- 7) Авакимян, С.С., Перельгут, Н.М. К вопросу о прагматике извинения [Текст] / С.С. Авакимян // Вестник НГГУ. Филологические науки. № 3. Нижневартовск: Изд-во НГГУ, 2011. С. 3-12.